Ранний буддизм в истории бурят-монголов

Жамбаев Баир Цырендоржиевич
аспирант, Бурятский институт инфокоммуникаций (филиал), Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, bair1961@yandex.ru

Жамбаева Ульяна Баировна
кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Улан-Баторский филиал

Процесс принятия буддизма бурят-монголами характеризуется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, осознанным выбором одной из мировых религий, правда, не с целью построения своего национального государства, как это было в большинстве случаев, а с намерением построить или возродить альтернативный социальный организм в виде родовой общины, а с другой – религия, именно в виде раннего буддизма, была навязана внешними враждебными силами с целью нивелирования воинственного духа бурят-монголов. В то же время, в рамках второй тенденции буряты (именно как отдельный этнос) все же попытались объединиться в единую нацию. Но в силу исходной идеи о *пустоте*, присущей раннему буддизму, идея объединения в рамках строительства национального государства была обречена на неудачу. Вот почему буддизм не стал доминантным признаком восточных цивилизаций. В целом процесс принятия буддизма сопровождается сложными историческими обстоятельствами. Дело в том, что вся социальная история пронизана бесконечными войнами, что является противоестественным. Тем самым, возникла острая потребность в переосмыслении конфронтационного поведения людей в социальном пространстве. Отсюда, именно буддизм с его гуманизмом отвечал внутренним запросам воинственных, природных воинов – кочевников (бурят-монголов). В какой-то из моментов истории война как способ решения разного рода проблем перестает быть привлекательной моделью поведения у потомков Чингисхана. Правда, альтернативной идеей у бурят-монголов в их консолидации остается – *диктатура законов*, исходное основание единения не только монголов, но и многих ими завоеванных народов.

Ключевые слова: ранний буддизм, когнитивная революция, воображаемая реальность, пустота, родовой строй, национальное государство, яса.

Как свидетельствует исторический опыт, характерной особенностью в становлении национальных государств является выработка строго определенной идеологии, необходимой для обеспечения единства государствообразующего этноса. И, как показывает социальная история, во-множестве случаев строители основ государства склонны были прибегать к той или иной идее, лежащей в основе той или иной религии. Здесь возникает вопрос: почему фундирующей основой государства становится именно религия? Ответ очевиден: выработать идеологию, отвечающей имманентно присущей мировоззренческого порядка запросам индивидов весьма непростое занятие. А, что касается самого мировоззрения, как основы менталитета индивида то оно является следствием исходной *когнитивной революции*, когда первобытные люди начали плодить вокруг себя *воображаемую реальность* в виде «мира универсалий» (понятийный мир), ставшего, в свою очередь, основой их выживания и освоения пространства. Это явление Ю.Н. Харари определял, как *язык вымысла*, сутью которого является: «Способность передавать большие объемы информации о не существующих в реальности вещах, таких как духи племени, государства, компании с ограниченной ответственностью или права человека» [9, с. 50]. Тем самым были определены не только условия для выживания, а главным образом условия для ускоренного развития разума. В этом историческом контексте государственники, как принято говорить: пошли по пути наименьшего сопротивления, ибо «мысли, верования и чувства гораздо труднее уловить и изучить, чем явления материального мира» [9, с. 71]. Иначе говоря, активно использовали готовый инструментарий в виде такого исторического типа мировоззрения как *религия* в деле строительства фундамента национального государства. А с другой стороны, сама: «Церковь, как надстроечный институт на протяжении всей истории классового общества была связана с политическими интересами правящей верхушки, с формированием и развитием государственности» [5, с.80].

В последующее историческое время религия становится «…самым первым признаком выражения цивилизации. «Большие» религии, по наблюдениям Кристофера Давсона, представляют собой «в конкретном смысле опору великих цивилизаций» [1, с. 24]. В этом контексте на своеобразие одной из «больших» религий – буддизма, обратил внимание монгольский историк Баабар. Он писал: «Исчезнувший в Индии, как бы растворенный в китайской и японской цивилизациях буддизм, хотя и являвшийся одной из крупных религий, до сих пор не смог стать основой великой цивилизации» [1, с. 24]. Данное утверждение, скорее, объясняется той исходной идеей, которая лежит в основе самого вероучения, что на практике привело к необходимости его трансформации в виде ламаизма, или прибегли к альтернативному шагу - сохранение в своем духовном пространстве, сугубо, национальных по происхождению религий (например, синтоизма в Японии или конфуцианства и даосизма в Китае). Такое двойственное явление в духовной жизни восточных народов, когда наблюдается несоответствие между реальностью или рассудочным мышлением, с одной стороны, и абстрактным мышлением – с другой, объясняется попыткой примирения идеального и материального начал в природе индивида.

Здесь вольно или невольно мы наблюдаем историческую параллель с сутью когнитивной революции – воображаемой реальностью, с одной стороны, и буддистской

пустотой – с другой. Это означает, что именно буддисты прежде иных мыслителей, имеющих отношение к своим национальным культурным традициям, осознали условность, абстрактность в целом основ мироздания, а не только рожденные вещи когнитивной революцией на заре становления разумного человека. При этом постоянная борьба за иллюзорные ценности, во многом навязанные власть предержащими, порождает благоприятную почву для обращения к буддизму. В буддизме утверждается: «Вся наша жизнь, все вещи подобны сновидению, иллюзии, что равносильно пустоте… Но стоит только человеку познать пустоту, срединность вещей, так он окончательно освобождается от наивного реализма, от сансары заколдованного круга жизни, являющейся сплошным кошмаром страданий» [2, с. 196].

Исходя из этой доминантной идеи веры, в раннем буддизме был выработан закон всеобщего непостоянства, исключающий статические вещи в том числе самого человека. Вместе с тем, в нем признаются 5 групп потоков: тело; ощущение; представление; воля; сознание. Это те детерминанты, которые могут привести личность к состоянию нирваны. При этом присущее личности состояние сансары (первые две истины из известных четырех) можно преодолеть, соблюдая принципы поведения – шилу (личное очищение), каруну (сострадание) и праджню (мудрость). В более широком аспекте речь идет о соблюдении правил восьмеричного пути.

Данный теоретико-философский расклад во многом, на наш взгляд, объясняет попытку преодоления извечной проблемы *сущности и существования*. Дело в том, что рассудочный уровень мышления мирян пребывал в состоянии непрерывного диссонанса с миром абстракций или буддистских догматов. Однако, этносы, принявшие данное вероучение в качестве руководства в своей жизнедеятельности, попытались создать совершенно иного типа социальный организм, позволяющий им избежать конфронтационной линии поведения. Речь идет о реанимации родовой общины в качестве альтернативы политической организации – государству. Родовая же община бурят в последующее историческое время была ошибочно воспринята, некоторыми историками, как признак их отсталости. Например, по мнению Е. М. Залкинда бурятское общество «…в XIII в. находилось на стадии незавершенного разложения первобытнообщинного строя [5, с. 29]. На привлекательность же *родовой* организации, с точки зрения совместимости материальных и духовных начал, обратил внимание Ю.Н. Харари. Он писал: «Тогдашняя экономика позволяла большинству людей жить гораздо более интересной и насыщенной жизнью, нежели живут теперь члены аграрного или индустриального общества» [9, с.66-67]. Видимо, обращение одних к родовой организации общественной жизни носит далеко неслучайный характер. К.М. Герасимова отмечала: «Как правило, все верующие дают положительную оценку своей жизни и конкретно перечисляют все, что позволяет им считать свою жизнь в целом хорошей, несмотря на различные тяжелые переживания. Редкие из них согласны с буддистской догмой, считающей страдание извечной, неотъемлемой и единственно реальной сущностью земного бытия» [5, с.73].

На уникальность родовой организации обратил внимание Ф. Энгельс: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов – все идет своим установленным порядком» [10, с. 105]. Такая организация общественной жизни могла приглянуться скотоводам-кочевникам. Обращение индивида к сложному и интересному *внутреннему миру* не терпит суеты и активной социализации личности, а, наоборот, требует локализации общественной жизни в рамках близкородственных групп. С экономической точки зрения распад крупных и крепких организованных обществ, по мнению М.Н. Хангалова, был обусловлен преимущественным переходом бурят к тотальному скотоводству, что и означало распад «на небольшие общества сородичей» [2, с. 34]. Огромные не освоенные просторы привели к замене образа жизни воинов-охотников, протекающего ранее в рамках куреней (военные поселения) на отдельные аилы (семьи) с утратой военно-политических связей. «Сверх этого, может быть, самая догматичная религия – ламаизм, являвшаяся течением буддизма – самой не догматичной религии, сделала еще более отсталым этот народ и изолировала от мира» [1, с.105]. Данные исторические метаморфозы привели в период колониального покорения русскими Забайкалья к удивительному явлению. Так А.П. Окладников писал: «О каком-либо сопротивлении самих бурят мы не слышим ни слова, как будто их вовсе не было!» [11, с. 47].

Внешне же ориентированная духовная жизнь людей, скорее, приводит к необходимости соотнесения или сравнения с подобными религиозными установками. Так, всё тот же Ю.Н. Харари утверждал: «Под общей рубрикой «теисты» можно объединить и еврейских раввинов, проживавших в XVIII веке в Польше, и массачусетских пуритан XVII века, преуспевших в охоте на ведьм, и ацтекских жрецов (Мексика XV века), и суфийских мистиков (Иран XII века), и воителей-викингов X века, и римских легионеров (скажем, начала нашей эры), и современных им китайских чиновников. Причем любая из перечисленных групп людей считала чужие верования и религиозные практики чудовищными и еретическими» [9, с. 74]. И тем самым мы видим существенную разницу в подходе к пониманию основ духовной жизни у различных сообществ людей. И эта разница в истории, зачастую, приводила к межконфессиональному военному противостоянию. А в процессе капитализации Российской империи, как утверждали некоторые авторы учебника истории, *многоконфессиональность* и *многонациональность* страны стали препятствием на этом пути [7, с. 261].

С исторической же точки зрения, принятие буддизма бурят-монголами носит принципиально иной характер. Дело в том, что в условиях формирования Монгольской империи, вся территория этнической Бурятии по указу Чингисхана была превращена в заповедную зону [1, с. 65], где воины могли проходить процедуру реабилитации. Получается, что обращение к родовой организации жизни имело под собой и юридическую основу, исключающей экономическую активность населения на определенной идеологической, а по своей сути буддистской основе. В остальной же части Монгольской империи, по словам Марко Поло, она «… представляла из себя страну процветающую и богатую, с развитой промышленностью – различными великолепно оборудованными мастерскими, шахтами, обеспечивавшими страну рудами и углем, с изобильными садами и полями, вдоль всех дорог были отличные постоялые дворы» [8, с. 8].

После распада Монгольской империи поиском оптимального пути развития занимаются в большинстве своем ойрат-буряты, сохранившие свою независимость от маньчжуров. Так К.М. Герасимова писала: «Попытки восстановления целостной монгольской империи предпринимались в течение трех столетий: в XV в. воссоединить монголов стремился ойратский хан Эсень, в начале XVI в. – Даян-хан, в последней четверти XVI в. тумэтский Алтан-хан, в первой половине XVII в. – чахарский Легдан-хан, в конце XVII в. – ойратский Галдан-хан. Алтан-хан и Легдан-хан политическую консолидацию монгольских племен связали с восстановлением буддизма в роли государственной религии монголов. Алтан-хан желал по примеру

Хубилая объединить гражданскую и церковную власть, управлять государством и обществом, опираясь на «два закона» - гражданский и религиозный» [5, с. 80].

Однако попытка совмещения гражданской и церковной власти без учета доминантной идеи буддизма привела к самым негативным социально-экономическим, а главным образом к политическим последствиям.

Что касается судьбы Джунгарского ханства, то оно к середине XVIII в. перестало существовать вследствие военного поражения в изнурительной и непрерывной борьбе с маньчжурами и китайцами.

Литература

1. Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита / Баабар; пер. с англ. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. – 543 с.
2. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. – Улан-Удэ, 2014. – 304 с.
3. Буддизм и национализм во Внутренней Азии / И. Р. Гарри, Р. Т. Сабиров, Н. В. Цыремпилов и др. – Улан-Удэ, 2021. – С. 120; С. 166; С. 124; С. 197.
4. Гатапов А.С. Монгольская историческая энциклопедия / Авт.-сост.: Гатапов А. С. – Улан-Удэ, 2015. – 688 с.
5. Герасимова К.М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 341 с.
6. Дугаржапов Т.А. Секретная история бурят. – Улан-Удэ, 2014. – С. 140; С. 80.
7. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А., Усов А.В. История России: с древнейших времен до наших дней. – Москва: Проспект, 2018. – 672 с.
8. Раднаев Б. Чингисхан: взгляд с Запада /Информ Полис, 17 мая 2000 г.
9. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Юваль Ной Харари; [пер. с англ. Л. Сумм]. –М.: Синдбад, 2023. – 512 с.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М., 1973. – 240 с.
11. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. – Улан-Удэ, 2014. – 512 с.

Early buddhism in the history of the buryat mongols

Zhambayev B.T., Zhambayeva U.B.

Buryat Institute of Information Communications (branch), Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar Branch

The process of adoption of Buddhism by the Buryat-Mongols is characterized by multidirectional trends. On the one hand, it is a conscious choice of one of the world religions, albeit not with the aim of building their own national state, as was the case in most instances, but rather with the intention of building or reviving an alternative social organism in the form of a tribal community. On the other hand, the religion, specifically early Buddhism, was imposed by external hostile forces to neutralize the warlike spirit of the Buryat-Mongols. At the same time, as part of the second trend, the Buryats (as a separate ethnic group) attempted to unite into a single nation. However, due to the inherent idea of emptiness in early Buddhism, the idea of unification within the framework of building a nation-state was doomed to failure. This is why Buddhism did not become a dominant feature of Eastern civilizations. In general, the process of adopting Buddhism was accompanied by complex historical circumstances. This is because the entire social history is permeated with endless wars, which is an unnatural phenomenon from the point of view of common sense. Thus, there is an urgent need to rethink the confrontational behavior of people in the social space. Hence, it was Buddhism with its humanism that answered the inner demands of the warlike, natural warriors of the nomads (Buryat Mongols). At some point in history, war to solve various kinds of problems ceases to be an attractive behavior model for the Buryat Mongols. However, the Buryat-Mongols' alternative idea for their consolidation is the dictatorship of laws.

Keywords: early Buddhism; cognitive revolution; imaginary reality; emptiness; tribal system; national state.

References

1. Babar. The history of Mongolia: from world domination to the Soviet satellite / Babar; translated from English - Kazan: Tatar Publishing House, 2010. - 543 p.
2. Bogdanov M.N. Essays on the history of the Buryat-Mongolian people. - Ulan-Ude, 2014. -304 P.
3. Buddhism and nationalism in Inner Asia / I. R. Garry, R. T. Sabirov, N. C. Tsyrempilov et al. - Ulan-Ude, 2021. - P. 120; P. 166; P. 124; P. 197.
4. Gatapov A.S. The Mongolian historical encyclopedia / Author- comp.: Gatapov A. S. - Ulan-Ude, 2015. - 688 p.
5. Gerasimova K.M. Questions of methodology of studying cultures of Central Asia. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2006. 341 P.
6. Dugarzhapov T.A. The secret history of the Buryats. - Ulan-Ude, 2014. - p. 140; p. 80.
7. Derevyanko A.P., Shabelnikova N.A., Usov A.C. The history of Russia: from ancient times to the present day. Moscow: Prospekt Publ., 2018, 672 p.
8. Radnaev B. Genghis Khan: a view from the West / Inform Polis, May 17, 2000.
9. Harari Yu.N. Sapiens. A brief history of man / Yuval Noah Harari; [translated from English by L. Patrony]. Moscow: Sinbad, 2023. 512 p.
10. Engels F. The Origin of the family, private property, and the State. Moscow, 1973, 240 p.
11. Okladnikov A.P. Essays from the history of the Western Buryat Mongols. – Ulan-Ude, 2014. 512 p.